

Пока мир существует достаточно долго, всегда найдутся мудрецы, способные разглядеть истину бытия в реке времени и запечатлеть её на овечьей коже или высечь на каменных плитах ради будущих поколений:

Каждое, казалось бы, ничем не примечательное взмахивание драконьих крыльев способно поднять гигантские волны в мире за тысячу ли отсюда. — Из «Записей Седьмого Монарха».

Сказанное не ложь, и факты тому подтверждение: две юные особи, вылупившиеся в той случайной стычке, еще не успев полностью вырасти, уже нарушили траекторию мировой магии, соткнув для девочки за тысячу ли отсюда незабываемый сон наяву...

.....

Эра Эйгона 288 год, Браавос. Здешний туман всегда гуще солнечного света.

Во дворе за выкрашенными в красный цвет высокими воротами пятилетняя девочка проснулась от кошмара. Сама того не понимая, сегодня после полудня она чувствовала себя донельзя сонной — прямо как крошечные драконы, славящиеся своей страстью к спать подольше.

Кошмар? Дейнерис попыталась напрячь память: впрочем, на страшный сон это не тянуло, но одно можно было сказать наверняка — только что увиденное видение приковало её внимание сильнее любого из прежних снов, да так сильно, что малышка даже не заметила, как незаметно подросла еще на самую капельку.

Во сне ей казалось, будто она оседлала дракона и парит высоко в небесах, а может, она сама и была этим драконом, способным видеть всё на огромном расстоянии.

Сны всегда расплывчаты, но Дейнерис смутно припомнила, что главным действующим лицом был... великан. Она находилась слишком высоко в небе и не могла различить его черт, зная лишь одно: у этого великана, как и у нее самой, были серебристо-белые волосы, а ростом он превосходил любую из человеческих фигур, затерянных внизу среди густых зарослей джунглей.

У великана были спутники, и в том густом лесу они, судя по всему, что-то выискивали, как вдруг бесчисленное множество других, плотно сгрудившихся силуэтов медленно окружило их со всех сторон. Вокруг царило полное спокойствие.

Пока у одного из спутников великана не слетел капсуд, обнажив прекрасные, вызывающие у Дейнерис зависть серебряные волосы.

Точь-в-точь как в тех историях, что рассказывал ей старый сэр (Уильям Дарри), когда стаи волков загоняют добычу. Хоть Дейнерис и не до конца понимала, что означало происходящее

во сне, она точно знала: великана и его товарищей посчитали добычей.

Дейнерис также помнила, что тогда во сне ей безумно хотелось подобраться поближе... но, к сожалению, это был всего лишь сон: она застряла высоко над облаками и не могла управлять собственными движениями.

Картинка в памяти оставалась нечёткой: она запомнила лишь, что под конец в живых остался один лишь великан, в то время как та серебряноволосая девушка верхом на лошади ускакала из поля его зрения, а другой рыцарь, вроде бы охранявший девушку, на полпути развернулся и ринулся прямо на преследователей...

Непонятно почему, но при виде этого окруженного врагами великана в её груди неизменно рождалось чувство утраты. К счастью, в самый последний момент другой золотой силуэт в вышине ринулся вниз и спас великана.

Наверное, то был дракон, тот самый дракон, о котором твердил брат... Она помнила лишь, что у золотого силуэта были широкие крылья — пусть и не застилавшие собой небо и солнце, зато из пасти извергались потоки бесконечного пламени, обращая в клубы густого дыма лес и тех, кто посмел угрожать великану.

А затем дым и огонь взметнулись еще выше, затянув всё перед глазами Дейнерис непроглядной тьмой, словно поглотив её целиком... Малышка в страхе проснулась.

.....

Серебряные, словно шёлк, пряди рассыпались по плечам, а в фиолетовых глазах отражался браавосский туман.

— Мне приснился... огонь, братец. — Очнувшись, Дейнерис отправилась во двор, где Уизерис упражнялся с мечом. Сейчас она умела ластиться как никто другой и крепко обняла второго — после старого сэра — человека, способного её утешить.

— Что такое, Дейни, приснился кошмар? — В ту пору Визерис еще не превратился в ожесточенного «короля-нищего», оставшись лишь четырь14-летним исполненным решимости юношей.

Взглянув на обхватившую его за ногу сестру с остатками слез на щеках, Визерис взъерошил её серебристые волосы, но всё же мягко отстранил малышку: — Послушай, Дейни, я занят тренировкой.

Пару месяцев назад у него бы еще хватило терпения выслушать нелепые и наивные сны сестры, но только не теперь — здоровье Уильяма Дарри с каждым днем ухудшалось, и вскоре ему придется полагаться исключительно на собственные силы.

— Но... братец. — Встретив холодность Визериса, девочка попыталась проявить еще немного ласки.

— Запомни, Дейнерис: мы — истинные драконы. Моя сестрица, ты должна научиться быть сильной и не бояться пустяковых кошмаров. — Однако охваченный внутренним беспокойством Визерис явно не был расположен нянчиться с ней — с него было сыто по горло презрительными взглядами простоллюдинов, и лишь сжимаемый в руке меч приносил ему крупицу душевного покоя.

Дейнерис проглотила застрявшие на языке слова и растерянно замерла в стороне, но спасение для девочки подоспело быстро: из двери задней комнаты показался номинальный хозяин усадьбы, сэр Уильям Дарри.

Увы, как это ни прискорбно, но некогда столь доблестный старый рыцарь, служивший безумному Эйрису, давно растержал былую удадь.

Теперь ему шел седьмой десяток, спина согнулась дугой, некогда прямая осанка иссушена и ссутулена недугами, один глаз помутнел, и, вглядываясь во что-то, он неизменно чуть наклонял голову. Каждое дыхание сопровождалось тяжелым хрипом, каждый шаг давался ценой опоры на исчерканную до блеска дубовую трость. Стуки трости о каменные плиты звучали глухо и неторопливо, отсчитывая последние искры угасающей жизни.

Черные в молодости волосы выцвели до седины и клочьями падали на лоб; и хотя каждый раз, когда Дейнерис обращала на это внимание, он отделялся отговоркой: «Зато теперь у меня причёска точь-в-точь как у маленькой принцессы», Дейнерис не была глупой...

Старик заметил терзавшие девочку растерянность и печаль.

С ней он всегда держался мягко, подзывая к себе и нежно проводя сухими пальцами по серебряным прядям, хрипло приговаривая: — Маленькая принцесса, не бойся, я рядом.

Но за этой мягкостью крылось нескрываемое бессилие — он знал, что ему уже не вытянуть. Будущее этих двоих детей окутывал браавосский туман, становившийся всё гуще... пока впереди не перестало быть видно хоть что-нибудь.

.....

Как истинным драконам, дому Таргариен в эпоху заката, разумеется, не приходилось жаловаться на нехватку слуг. Помимо пылающего жаром Визериса и испуганной недавним сном Дейнерис, которую утешали, во дворе хватало бессловесных теней, жавшихся к углам и колоннам.

Слуги составляли самую незаметную часть этого выкрашенного в красный цвет двора и в то же

время являлись самыми зоркими наблюдателями. Страх перед сэром Уильямом никогда не ослабевал в их глазах, а во многих взглядах и вовсе читались настороженность и придирчивая оценка...

Подавая воду старому сэру, слуги ступали неслышно, низко опускали головы, не смея глядеть ему в глаза и тем более произносить лишнее слово.

Стоило старому сэру зайти в надсадном кашле или излишне повысить голос, как слуги каменели от ужаса, бросали ношу и спешно ретировались, боясь даже краем одежды задеть мебель.

Зато перед Визерис и Дейнерис этот страх испарялся, сменяясь небрежным равнодушием и даже затаенным пренебрежением — именно это чаще всего и выводило Визериса из себя.

Они никогда не кланялись потомкам истинных драконов, приносимая ими еда неизменно оказывалась холодной; любимое лимонное дерево Дейнерис поливали лишь по большим праздникам, и даже усыпанный опавшей листвой двор никто не удосуживался подмести...

.....

Успокоив маленькую Дейни, сэр Уильям вышел в сад и, прислонившись спиной к резной колонне галереи, со сложным выражением лица наблюдал за тренировкой Визериса.

Ему было прекрасно известно о навязчивой идее Визериса: она служила юноше одновременно и опорой, и оковами.

По правде говоря, ему неоднократно хотелось образумить мальчика, но стоило словам сорваться с языка, как всё сводилось к тяжелому вздоху — он и сам едва держался на ногах, так какое он имел право поучать других?

Всякий раз, глядя на взрослеющего принца, он словно видел перед собой некогда полного дерзкого задора рыцаря, брата этого мальчика — Рейгара Таргариена. Правда, неизвестно с каких пор Визерис возненавидел само упоминание этого имени, да и старик понимал: тот вовсе не был тем принцем.

А вот на кого с каждым днем становилось всё больше похоже нынешнее выражение лица юноши, старик старался даже не думать...

Он кашлял, прикрывая рот ладонью, лицо его было белым как бумага, ноги едва держали тело, так что ему оставалось лишь медленно опереться о колонну, со страхом вглядываясь в играющих во дворе детей.

.....

Ближе к вечеру туман сгустился вновь, пропитавшись леденящим холодом.

В особняке постепенно стихло, нарушаемое лишь потрескиванием дров в камине да редким кашлем сэра Уильяма.

Визерис усаживался у очага, перелистывая оставленные старым сэром летописи. Его пальцы скользили по записям о временах династии Таргариен, а взгляд стеклянно устремлялся на пляшущие языки пламени, порой приобретая пугающе холодный оттенок.

Дейни сволакивалась калачиком рядом с ним, прижимаясь головой к его руке, и под тихое бормотание брата о драконах постепенно засыпала.

Слуги давно разошлись по своим каморкам, больше никто не тревожил их покой, создавая иллюзию, будто этих двоих детей из рода Таргариен вовсе не существует на свете.

Красная дверь оставалась наглухо закрытой, отсекая браавосский туман и бушующие ветры изгнания, но каждый в усадьбе так или иначе ощущал: это затишье продлится недолго...

Ночь углублялась, туман густел.

Свет в особняке с красной дверью горел тускло и блекло, освещая багровую деревянную дверь, прильнувших друг к другу у камина брата с сестрой и догорающий масляный светильник в кабинете старого сэра.

Эра Эйгона 288 год, Браавос. Здешний туман глуше сияния звезд.

Никакого драконьего рева, никаких распрей за власть — лишь одинокий особняк с красной дверью, хранящий последнее тепло увядающих Таргариенов...

На этот раз во сне Дейнерис не привиделась ни одна из крылатых рептилий — вместо этого до нее донесся тонкий аромат лимонов, и открылась ярко-алая дверь. За ней скрывались незнакомые ей прежде тепло и безмятежность — то самое воплощение дома, которое она будет искать всю оставшуюся жизнь.

.....

Хей-хей-хей, прода всё же вышла! Несмотря на Праздник весны, я постараюсь выкладывать по пять тысяч иероглифов ежедневно, хотя со временем могут быть накладки.

<http://bllate.org/book/19071/1873239>